

«Война в мышеловке» Велимира Хлебникова: опыт прочтения

Ф

ормирование мировоззрения молодого Хлебникова интересно проследить по появлению и развитию в его лирике военных мотивов и боевой риторики. Так, например, уже в стихотворении 1908 г. под названием «Боевая» (отсылающим к строевой солдатской песне) поэт призывает к «святой» войне славянских народов против «немецкого рода», к походу против врага:

<...> За солнцем, друзья, —
на запад за солнечным ходом, под прапором солнца
идемте, друзья, — на запад за солнечным ходом.¹

Хлебников играет здесь мифологической этимологией слов «славянин» (от «слава» и «слово») и «немецкий» — от «немой» (лишенный дара слова),² противопоставляя «волн[у] неми, с запада яростно бьющей» (СП, II, 23) славянско-

---

¹ Цит. по изд.: Собрание произведений Велимира Хлебникова: В 5 т. / Под общ. ред. Ю. Тынянова и Н. Степанова. Л., 1928–1933. Т. 2. С. 23. Далее ссылки на это издание (СП) даются в тексте статьи; номера томов указываются римскими цифрами, страниц — арабскими.

² Подробнее о разных интерпретациях этимологии слова «славянин» в цитируемом ниже «Воззвании к славянам» («Воззвании учащихся славян») см.: *Кацис Л., Одесский М.* Коллар — Хлебников — Блок — Маяковский: От боснийского кризиса до Первой мировой войны // «Славянская взаимность»: Модель и топика: Очерки. М., 2011. С. 121–166.

му роду, который он называет своим квазинеологизмом «Славь»,³ провозглашая победную войну против Запада:

— Победная славь да идет.

Да шествует!

Пусть в веках и реках раздается тот пев:

«Славь идет! Славь идет! Славь восстала...» (СП, II, 23).

Причиной появления этих воинственных стихов стала австро-венгерская аннексия Боснии и Герцеговины в июле 1908 г., которая, по мнению историков, стала одной из роковых искр, разжегших мировую войну. Эти события подтолкнули Хлебникова к написанию манифеста, который он вывесил у входа в Санкт-Петербургский университет, а также напечатал в газете «Вечер» в октябре того же года. Это «Воззвание к славянам» гласит:

Славяне! В эти дни Любек и Данциг смотрят на нас молчаливыми испытателями — города с немецким населением и русским славянским именем. <...> Ваши обиды велики, но их достаточно, чтобы напоить полк коней мести — приведем же их и с Дона, и Днепра, с Волги и Вислы. <...> Или мы не поймем происходящего, как возгорающейся борьбы между всем германством и всем славянством? <...> Русские кони умеют попирать копытами улицы Берлина. Мы это не забыли, мы не разучились быть русскими. <...> Война за единство славян, откуда бы она ни шла, из Познани или из Боснии, приветствую тебя! Гряди! Гряди, дивный хоровод с девой Словией как предводительницей горы. Священная и необходимая, грядущая и близкая война за попранные права славян, приветствую тебя!⁴

³ Перцова Н. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова // Wiener slavistischer Almanach. Wien; М., 1995. Sonderband 40. S. 324.

⁴ Цит. по изд.: Хлебников В. Собрание сочинений / Под ред. В. Маркова = *Chlebnikov V. V. Gesammelte Werke*. München, 1968–1972. 4 Bände (факсимильное воспроизведение собрания произведений (СП), неизданных произведений (НП) и других материалов). Bd. 3. S. 405. Далее цитируется в тексте статьи (СС), номера томов обозначаются римскими цифрами, страниц — арабскими. В издании собрания сочинений В. Хлебникова под ред. Р. В. Дуганова вместо «с девой Словией» читается «с девой Сл<a>вией»; см.: Хлебников В. Собрание сочинений: В 6 т. / Под общ. ред. Р. В. Дуганова; Сост., подгот. текста и примеч. Е. Р. Арензона и Р. В. Дуганова. М., 2000–2006. Т. 6, кн. 1. С. 198. Далее цитируется в тексте статьи (СС), номера томов и книги обозначаются арабскими цифрами, затем следует обозначение страницы.

Это воззвание позднее было перепечатано в сборнике «Ряв! Перчатки (1908–1914 гг.)»,⁵ а несколько месяцев спустя, после начала войны, обрело новое, злободневное звучание. Недаром в ноябре 1914 г. Владимир Маяковский включил отрывки из этого текста в свою статью «Россия. Искусство. Мы»,⁶ декларируя:

Сейчас две мысли: Россия — Война, это лучшее из всего, что мыслится, а наряднейшую одежду этой мысли дали мы. Да! И много лет назад.⁷

Прочитывая далее длинный отрывок из «Воззвания», поэт дал ему следующий комментарий:

Озарение провидца-художника Велимира Хлебникова. Предсказание, сделанное шесть лет назад. <...> Дружина поэтов, имеющая такого воина, уже вправе требовать первенства в царстве песни. Понятно, отчего короли слова первые раскрыли сердце алым семенам войны.⁸

Как метко выразился Бенгт Янгфельдт: «Для Маяковского война была не просто полем боя, но и эстетическим вызовом — и шансом».⁹ В статье «Штатская шрапнель», опубликованной 12 ноября 1914 г., поэт приходит к выводу об эстетическом потенциале войны:

Как русскому мне свято каждое усилие солдата вырвать кусок вражьей земли, но как человек искусства, я должен думать, что, может быть, вся война выдумана только для того, чтоб кто-нибудь написал одно хорошее стихотворение.¹⁰

⁵ Хлебников В. Ряв! Перчатки (1908–1914 гг.). СПб.: ЕУЫ; Типолит. «Свет», [1913. Дек.].

⁶ См. газету «Новь» за 19 ноября 1914 г.

⁷ Маяковский В. В. Россия. Искусство. Мы // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1955–1961 (далее — ПСС). Т. 1: Стихотворения, трагедия, поэмы и статьи 1912–1917 годов / Подгот. текста и примеч. В. А. Катаняна. М., 1955. С. 319.

⁸ Там же.

⁹ Jangfeldt B. Mayakovsky: A Biography / Translated by Harry D. Watson. Chicago & London, 2014. P. 72 (см. также: Янгфельдт Б. Ставка — жизнь: Владимир Маяковский и его круг. М., 2009).

¹⁰ Маяковский В. В. Штатская шрапнель // ПСС, Т. 1. С. 302–304.

Используя выражения, напоминающие декларации Маринетти о войне как гигиене мира, Маяковский воспринимает и изображает войну как возможность развятия нового, самоценного искусства футуристов:

Теперь, когда каждое тихое семейство <...> впутано в какофонию войны, можно над заревом горящих книгохранилищ зазечь проповедь новой красоты. <...> Поэзия — еждневно поновому любимое слово. Сегодня оно хочет ездить на передке орудия в шляпе из оранжевых перьев пожара!¹¹

Разве это не воплощение наших идей: называется «война»? <...> А теперь попробуйте-ка вашей серой могильной палитрой <...> написать краснорожую красавицу войну в платье кроваво-ярком, как желание побить немцев, с солнцами глаз прожекторов. <...> Нет, теперь — всё война. <...> Можно не писать о войне, но надо писать *войною!* <...> Война не только изменит географические границы государств, но и новые мощные черты положит на лицо человеческой психологии.¹²

Однако уже через несколько месяцев Маяковский радикально изменил свою позицию — на антивоенную — и написал большую поэму «Война и мир»,¹³ где со свойственным ему обилием гипербол обличил жестокою бессмысленностью бойни, изобразив своего лирического героя в качестве добровольной жертвы, которая ради блага человечества берет на себя все грехи и искупает преступления, совершаемые во время войны.

...это я сам, / с живого сдирая шкуру, / жру мира мясо. / <...>
Радуйтесь! / Сам казнится / единственный людоед.¹⁴

В пятой части поэмы мы находим утопический мир гармонии, где больше нет войн и конфликтов: там «...цари-задиры / гуляют под прищотром нянь. / <...> видели с Каином / играющего в шашки Христа».¹⁵

¹¹ Маяковский В. В. Штатская шрапнель: Поэты на фугасах // ПСС. Т. 1. С. 305—307.

¹² Маяковский В. В. Штатская шрапнель: Вравшим кистью // ПСС. Т. 1. С. 308—310.

¹³ Отдельные ее части были опубликованы в различных журналах и альманахах в течение 1917—1918 гг.

¹⁴ Маяковский В. В. Война и мир // ПСС. Т. 1. С. 232—233, стихи 705—708, 739—741.

¹⁵ Там же. С. 241, стихи 1027—1028, 1035—1036.

Заключительные строки поэмы возвещают приход нового Человека, что звучит как «окончательные ноты русской оперы»:¹⁶

Люди! —
любимые,
нелюбимые,
знакомые,
незнакомые,
широким шествием излейте в двери те.
И он,
свободный,
ору о ком я,
человек —
придет он,
верьте мне,
верьте!¹⁷

В мировоззрении Хлебникова боевая риторика цитированных выше воззваний и стихотворений изначально сочеталась с видением всеобщего, вселенского мира, в котором нет разницы между человеческим родом и животными. Об этом свидетельствует, например, его юношеская прозаическая «эпитафия» под названием «Пусть на могильной плите прочтут...», датированная 1904 г.¹⁸ Здесь, может быть впервые, Хлебников признал, что он «...вдохновенно грезил быть пророком <...>. Он грезил об отдаленном будущем, о земляном коме будущего» (НП, 318).¹⁹ В этом небольшом сочинении поэт сформулировал и те основные вопросы, которые будут занимать его всю жизнь: «Он нашел истинную классификацию наук, он связал время с пространством, он создал геометрию чисел» (Там же).

Именно «геометрия чисел» привела Хлебникова к убеждению в возможности обнаружения законов времени и чередований исторических событий. Исходным моментом для такого поиска стала для него неудач-

¹⁶ *Markov V. Russian Futurism: A History. Berkeley, 1968. P. 314.*

¹⁷ *Маяковский В. В. Война и мир // ПСС. Т. 1. С. 242, стихи 1044–1060.*

¹⁸ *Хлебников В. Неизданные произведения / Ред. и коммент. Н. Харджева и Т. Грица. М., 1940. С. 318–320. Издание далее цитируется в тексте статьи (НП).*

¹⁹ Опубликовано также в: *Хлебников В. Творения / Общ. ред. и вступ. статья М. Я. Полякова; Сост., подгот. текста и коммент. В. П. Григорьева и А. Е. Парниса. М., 1986. С. 557. Издание далее цитируется в тексте статьи (Т).*

ная русско-японская война, и особенно — трагическое поражение под Цусимой. Как писал сам Хлебников несколько лет спустя в «Свои»:

Законы времени, обещание найти которые было написано мною на березе (в селе Бурмакине, Ярославской губернии) при известии о Цусиме, собирались 10 лет (СП, II, 10; Т, 37).

Уже в диалоге «Учитель и ученик» (1912) ученик восторженно восклицает:

Судьба! Не ослабла ли твоя власть над человеческим родом, оттого что я похитил тайный свод законов, которым ты руководишься, и какой ждет меня утес? (СП, V, 178; Т, 585)

В первые полтора года мировой войны в автобиографических материалах Хлебникова мы находим мало упоминаний о войне.²⁰ Как обычно, он скитается по России, передвигаясь с севера на юг, из Петрограда в Астрахань, и продолжает свои вычисления и поиски законов времени. Будучи в Астрахани, поэт пишет: «Роюсь в Брокгаузе, многомных трудах о человечестве». ²¹ Результатом этих занятий стала брошюра «Битвы 1915—1917 гг. Новое учение о войне». ²² Это довольно сложное произведение открывается следующим утверждением:

В этой части клинописи о судьбе ставится целью показать, что битвы на море происходят через 317 лет или его кратные <...>, а также показать смены господства на море разных народов через времена кратные 317 (СС, III, 413).

Как ни странно, в центре этих исторических размышлений и вычислений Хлебникова находится не продолжавшая еще мировая война, а русско-японская война 1904—1905 гг., которую поэт-числяр²³ считал

²⁰ Weststeijn W. Chlebnikov and the First World War // Velimir Chlebnikov. 1885—1985 / Ed. J. Holthusen et al. München, 1986. S. 187—212.

²¹ Письмо В. М. Матюшину от декабря 1914 г. (НП, 372, 478—79; СС, 6—2, 165).

²² Хлебников В. Битвы 1915—1917 гг. Новое учение о войне. Пг., 1915. Книга была издана В. М. Матюшиным тиражом в 700 экземпляров; вышла в свет в декабре 1914 г. с предисловием А. Крученых, который в начале ноября писал Матюшину: «Хлебников цензуру прошел. Надо печатать...» (НП, 478—479). Примечания, присланные Хлебниковым в указанном выше письме, в брошюре не печатались. Книга перепечатана в СС, III, 411—434 и, с некоторыми изменениями, в СС, 6—1, 83—100.

²³ Ср. отрывок «Это был великий числяр...» (СС, 5, 58).

«уменьшенным и обратным повторением завоевания Сибири» (СС, III, 425).

В кратком предисловии к «Битвам» А. Крученых писал:

...лишь мы (то будетляне, то азиаты) рискуем взять в свои руки рукоять чисел истории и вертеть ими, как машинкой для выделки кофе! <...> храбрый Хлебников сделал вызов самой войне — к барьеру! (СС, 6—1, 388)

Оказалось, что под кажущимся равнодушием Хлебникова к Первой мировой войне скрывалась серьезная озабоченность и стремление найти способ победить ее роковую неизбежность. Позднее, в отрывке 1920 г., Хлебников так разъяснял свою утопическую концепцию:

...точные законы времени смогут решить задачу равенства во власти справедливого распределения земельных участков во времени, задачу разверстки учений о власти и размежевания поколений. Так возводится правда во времени.

Чистые законы времени учат, что всё относительно. Они делают нравы менее кровавыми, странно облагораживают их (СП, IV, 313; Т, 640).

В статье «Наша основа» он особенно ясно изложил этот принцип, назвав его «Гаммой будетлянина»:

Гамма будетлян особым звукорядом соединяет и великие колебания человечества, вызывающие войны, и удары отдельного человеческого сердца. Если понимать все человечество как струну, то более настойчивое изучение дает время в 317 лет между двумя ударами струны. Чтобы определить это время, удобен способ изучения подобных точек (СП, V, 237—238; Т, 629).

Перед вами будетлянин со своей «балалайкой». На ней прикованный к струнам трепещет призрак человечества. А будетлянин играет, и ему кажется, что вражду стран можно заменить ворожкой струн (СП, V, 239; Т, 630).

Скоро ход войны стал губительным для Российской империи; на смену первоначальному патристическому порыву пришло осознание трагизма кровавой бойни и преступной некомпетентности русских военных властей. В вышедшем в декабре 1915 г. коллективном сборнике «Взял.

Барабан футуристов»²⁴ Хлебников публикует пацифистские «Предложения» и, в частности, предлагает:

Учредить для вечной непрекращающейся войны между желающими всех стран особый пустынный остров, например Исландию (прекрасная смерть). В обыкновенных войнах пользоваться сонным оружием (сонными пулями) (СП, V, 159).

Здесь же находим статью «Он сегодня», в которой, как Хлебников написал позднее в очерке «Время мера мира»,

изложены общие очертания того мира, который открывается сознанию с высоты той мысли, что число 365 есть основное число земного шара, его «число чисел». <...> Общему закону сравнимости по $365 + 48$ подчиняются не только струны всего человечества (войны), но и струны каждой данной души (СС, III, 445).

В этом же сборнике Хлебников публикует и антивоенные стихи «Где волк воскликнул кровью»:

Где волк воскликнул кровью:

«Эй! Я юноши тело ем», —

Там скажет мать: «Дала сынов я». —

Мы, старцы, рассудим, что делаем.

Правда, что юноши стали дешевле?

Дешевле земли, бочки воды и телеги углей?

Ты, женщина в белом, косящая стебли,

Мышцами смуглая, в работе наглей!

«Мертвые юноши! Мертвые юноши!» —

По площадям плещется стон городов (Т, 457).

Поэт говорит об обесценивании человеческой жизни, создавая гротескную картину мясной лавки, в которой наряду с тушками зайцев висят тела мертвых юношей:

...Висит, продетый кольцом за колени,

Рядом с серебряной шкуркою зайца,

Там, где сметана, мясо и яйца (Т, 457).

²⁴ Взял: Барабан футуристов. Пг., 1915.

Это целое поколение, пожертвованное в первый год мировой бойни ради интересов капитала:

Падают Брянские, растут у Манташева,
Нет уже юноши, нет уже нашего
Черноглазого короля беседы за ужином.
Поймите, он дорог, поймите, он нужен нам! (Т, 457)

В образе черноглазого короля можно видеть обобщенный образ поколения, а также — намек на самого поэта, который приобретает черты Христа через мотив Тайной вечери («беседы за ужином»). Это стихотворение поэт включил позднее в поэму «Война в мышеловке» (1919)²⁵ — наряду с другими стихотворениями и отрывками, опубликованными в разных сборниках и альманахах 1915—1918 годов. Этот способ работы — характерный для Хлебникова образец композиционного метода, который привел его впоследствии к созданию нового жанра: «сверхповести».²⁶

Вот как сам поэт объяснял свой композиционный метод во введении к своей самой крупной сверхповести «Зангези»:

Повесть строится из слов как строительной единицы здания. Единицей служит малый камень равновеликих слов. Сверхповесть, или заповесть, складывается из самостоятельных отрывков, каждый с своим особым богом, особой верой и особым уставом. <...> Им предоставлена свобода вероисповеданий. Строевая единица, камень сверхповести, — повесть первого порядка. Она похожа на изваяние из разноцветных глыб разной породы, тело — белого камня, плащ и одежда — голубого, глаза — черного. Она вытесана из разноцветных глыб слова разного строения. Таким образом находится новый вид работы в области речевого дела. Рассказ есть зодчество из слов. Зодчество из «рассказов» есть сверхповесть. Глыбой художнику служит не слово, а рассказ первого порядка (Т, 473).

---

²⁵ Впервые опубликовано в 5-м выпуске «Неизданного Хлебникова» (М.: Группа друзей Хлебникова, 1928). Напечатано на пишущей машинке и стеклографировано. Текст на одной стороне листа. Иллюстрация на обложке И. Клына.

²⁶ Составители «Творений» Хлебникова, упоминая в комментариях, что автор определял этот текст как «поэму», называют его «сверхпоэмой», включая при этом в раздел «сверхповестей» (Т, 693).

Как свидетельствует Роман Яacobсон, «весной 1919 г. рукопись сверхповести под заглавием “Война в мышеловке” была передана <ему> автором для включения в предполагавшееся издание “Всего сочиненного В. Хлебниковым”». ²⁷ Первоначально этот текст был озаглавлен «Я и Вы». Окончательное название памятника может быть объяснено теми идеями, какие Хлебников с Петниковым сформулировали в «Тезисах», составленных в апреле 1917 г., реагируя на выпуск Временным правительством так называемого «Займа свободы» для привлечения средств на продолжение войны. Эти «Тезисы» носили ярко выраженный антивоенный характер:

1. Мы — смуглые охотники, привесившие к поясу мышеловку, в которой испуганно дрожит черными глазами Судьба. Определение Судьбы как мыши.
2. Наш ответ на войны — мышеловкой (СС, 6—1, 267).

Хотя Велимиру к тому времени было уже за тридцать, в апреле 1916 г. его призвали на военную службу. Впервые Хлебников лично столкнулся с жизнью в казарме — дисциплина и абсурдные военные порядки оказались губительны для поэта и для его искусства:

Во сне провлекший свои дни,
Я тоже возьму ружье (оно большое и глупое,
Тяжелее почерка)
И буду шагать по дороге,
Отбивая в сутки 365 × 317 ударов — ровно.²⁸
И устрою из черепа брызги,
И забуду о миллом государстве 22-летних,
Свободном от глупости возрастов старших,

Отцов семейства (общественные пороки возрастов старших).
Я, написавший столько песен,
Что их хватит на мост до серебряного месяца (Т, 456).

²⁷ Яacobсон Р. Из мелких вещей Велимира Хлебникова: «Ветер-пение...» // Яacobсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 317. Публикация издания не состоялась.

²⁸ В статье «Наша основа» (1919) читаем: «Гамма будетлян особым звукорядом соединяет и великие колебания человечества, вызывающие войны, и удары отдельного человеческого сердца. Пехотинец германской пехоты по военному уставу должен делать 81 или 80 шагов в минуту. Следовательно, в сутки он сделает 365 · 317 шагов, то есть столько шагов, сколько суток содержится в 317 годах — времени одного удара струны человечества» (Т, 629).

В отчаянии Хлебников писал тогда Дмитрию Петровскому: «Король в темнице, король томится. В пеший полк девяносто третий, я погиб, как гибнут дети».²⁹ Мотив гибнущего в плену «у дикарей прошлых столетий» (СП, V, 306) поэта находим и в письме к матери, в котором Хлебников вопрошает: «Произойдет или не произойдет убийство поэта, больше — короля поэтов, Аракчеевщиной?» (Там же). В образе короля-пленника можно видеть и автобиографический намек: 24 октября 1915 года Маяковский назвал Хлебникова «королем русской поэзии», а 20 декабря того же года поэт «был избран королем времени» (СП, V, 333). В стихотворении «Печальная новость. 8 апреля 1916»,³⁰ которое он впоследствии также включил в поэму «Война в мышеловке», поэт играет со словом «король», превращая его в «пугливого кролика»:³¹

Нет, в плену я у старцев злобных,
Хотя я лишь кролик пугливый и дикий,
А не король государства времен,
Как называют меня люди:
Шаг небольшой, только *ик*
И упавшее *о*, кольцо золотое,
Что катится по полу (СС, I, 371).³²

Поэт осознает драматическую несовместимость войны и своего поэтического призвания: это конфликт личностных обязательств — внешних и внутренних, сокровенных: «А что я буду делать с присягой, я, уже давший присягу Поэзии?» (СП, V, 309). В отличие от первых военных деклараций Маяковского, который усматривал в войне мощный эстетический потенциал и положительно оценивал какофонию войны, Хлебников слышит в военном гуле полное разрушение чувства ритма и размера, так необходимого для творчества истинного поэта:

²⁹ Петровский Д. В. 1) Воспоминания о Велемире Хлебникове // Леф. 1923. № 1. С. 143—171, 151; 2) Воспоминания о Велемире Хлебникове. М., 1926. С. 17. (Б-ка «Огонек»; № 162). Переиздано в газете «Волга» (номер от 17 сентября 1992 г., с. 12); см. также сайты <http://www.ruthenia.ru/sovlit/jour.html> и <http://ka2.ru/hadisy/petrovsky.html>. Ср.: СС, 6—2, 178. Последнее предложение текста из открытки вошло в отрывок «Где, как волосы девицны...» (Т, 104).

³⁰ Впервые опубликовано в изд.: Временник. М.; [Харьков]: Лирень, 1917 [1916]. Вып. 1.

³¹ Ср.: Парнис А. Е. О метаморфозах мавы, оленя и воина: К проблеме диалога Хлебникова и Филонова // Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования (1911—1998). М., 2000, С. 637—695.

³² Ср.: Т, 456 (текст с небольшими вариантами).

Шаги, приказания, убийство моего ритма делают меня безумным к концу вечерних занятий, и я совершенно не помню правой и левой ноги. <...> У поэта свой сложный ритм, вот почему особенно тяжела военная служба, навязывающая иго другого прерывного ряда точек возврата, исходящего из природы большинства <...>. Таким образом, побежденный войной, я должен буду сломать свой ритм (участь Шевченко и др.) и замолчать как поэт. <...> Благодаря ругани, однообразной и тяжелой, во мне умирает чувство языка. Где место Вечной Женственности под снарядами тяжелой 45-см. ругани? Я чувствую, что какие-то усадьбы и замки моей души выкорчеваны, сравнены с землей и разрушены (СП, V, 309–310).

Война «приобретает очертания мифологического существа, богини смерти»,³³ совершающей ритуал очищения своего тела, реализуя таким способом метафору «война — гигиена мира»:

Чесала гребнем смерть себя,
Свои могучие волосы,
И мошки ненужных жизней
Напрасно хотели ее укусить.
<...>
Величаво идемте к Войне Великанше,
Что волосы чешет свои от трупья.
Воскликнемте смело, смело, как раньше:
«Мамонт наглый, жди копыя!
Вкушаешь мужчин *a la* Строганов» (Т, 458).

В поэме рисуются картины разрушения и смерти:

Пером войны поставленные точки
И кладбища большие, как столица,
Иных людей иная стать.
Где в простыню из мертвых юношей
Обулась общая земля (Т, 462).

Интересно отметить, что многие стихотворения, вошедшие в состав второй части «сверхпоэмы», были впервые опубликованы в сборнике «Ошибка смерти», рядом с одноименной пьесой, где Хлебников сформулировал идею «победы над смертью» (СП, V, 333):

³³ Степанов Н. Велимир Хлебников. Жизнь и творчество. М., 1975. С. 163.

И только смерть, хрипя на дышле,
Дрожит и выбилась из силы.
Она устала. Пожалейте
Ее за голос «куд-кудах!».
Как тяжело и трудно ей идти,
Ногами вязнет в черепах (Т, 460).

Как и в «Зангези», боги вновь улетели, бросили человечество, «и не заглядыва[ют] через плечо на мой [поэта] почерк» (Т, 462). Но поэт-про-рок «в грязи утопая, <...> тян[ет] сетьми / Слепое человечество. / Мы были, мы были детьми, / Теперь мы — крылатое жречество» (Т, 462).

Картинам смерти и разрушения войны у Хлебникова противопостав-ляется утопическая мечта подчинить вселенную разуму человека:

Наденем намордник вселенной,
Чтоб не кусала нас, юношей,
И пойдем около белых и узких борзых
С хлыстами и тонкие,
Лютики выкрасим кровью руки,
Разбитой о бивни вселенной,
О морду вселенной.
И из Пушкина трупов кумирных
Пушек наделаем сна.
От старцев глупых вещице юноши уйдут
И оснут мировое государство
Граждан одного возраста (Т, 460).

Иррациональная и непредсказуемая судьба подчинена разуму законов времени, которые Поэт-воин обнаружил благодаря своим вычислениям:

Вчера я молвил: «Гуля, гуля!» —
И войны прилетели и клевали
Из рук моих зерно.
<...>
Я молвил: «Горе! Мышелов!
Зачем судьбу устами держишь?»

Но он ответил: «Судьболов
Я и волей чисел — ломодержец» (Т, 461—462).

Поэт буквально держит Земной Шар в своих руках:

Я, носящий весь земной шар
На мизинце правой руки,

— Мой перстень неслыханных чар —
Тебе говорю: Ты!
Ты вспыхнул среди темноты,
Так я кричу, крик за криком,
И на моем каменеющем крике
Ворон священный и дикий
Совет гнездо, и вырастут ворона дети,
А на руке, протянутой к звездам,
Проползет улитка столетий! (Т, 463)

Таким образом, наконец, настанет час освобождения от смерти и войны.

Эти стихи были написаны после Февральской революции, когда возникла надежда на скорое окончание войны:

Свобода приходит нагая,
Бросая на сердце цветы,
И мы, с нею в ногу шагая,
Беседуем с небом на «ты».
Мы, воины, строго ударим
Рукой по суровым щитам:
Да будет народ государем,
Всегда, навсегда, здесь и там! (Т, 461)³⁴

Финал цикла «Война в мышеловке» слагается из двух четверостиший:

Ветер — пение
Кого и о чем?
Нетерпение
Меча стать мячом.
Я умер, я умер, и хлынула кровь
По латам широким потоком.
Очнулся я иначе, вновь
Окинув вас война оком (Т, 465).

«Меч становится мячом» — параномастическим приемом «внутреннего склонения слова» (выражение Хлебникова) поэт вскрывает «в да-

³⁴ Стихотворение «Свобода...» датировано автором 19 апреля 1917 года. Текст первой публикации см.: Временник. М.; [Харьков]: Лирень, 1917. Вып. 2. Ср.: *Арензон Е. Р.* Свобода, богиня, весна... (Стихотворение «Свобода приходит нагая» в контексте основных творческих идей Велимира Хлебникова) // Хлебниковские чтения: Материалы конференции 27–29 ноября 1990 г. СПб., 1991. С. 62–68.

леких по значению “словах-родичах” их общее содержание»,³⁵ преобразуя кровавое орудие смерти, «меч», в веселое орудие игры и забавы — «мяч».

Меч и мяч — излюбленные парные слова в языковой системе Хлебникова. Уже в поэме «Хаджи-Тархан»³⁶ они сопоставлены: «Война и меч, вы часто только мяч / Лаптою занятых морей» (Т, 248), а в стихотворении «Написанное до войны»³⁷ мы читаем: «— О, прохожий, наши вежи / Меч забыли для мяча» (Т, 88). В «Письме двум японцам»³⁸ Хлебников пишет: «Но это прекрасно, что вы бросили мяч лапты в наши сердца. Это потому хорошо, что дает нам право сделать второй шаг, <...> так как в возврате мяча заключается игра в мяч» (Т, 605). Хлебников противопоставляет острому и жестокому орудию смерти и войны образ мяча, округлого и гладкого, который, в свою очередь, является метафорой космоса, вселенной, овладением мерой мирового времени. «Перековка “ветра чумы на ветер сна” и победа числом и словом над войной и смертью — такова тематика Хлебникова, переплетающаяся с мифом о преображении меча в мяч».³⁹ Словотворчество становится мифотворчеством. Освобождение от войны происходит посредством изменения одной гласной.

Во втором четверостишии последней части поэмы «Война в мышеловке» Хлебников в свойственной ему герметической и лаконичной манере представляет смерть и воскрешение («Очнулся я иначе») лирического «я» поэта-пророка, когда он преображается в поэта-воина. Но здесь речь идет не о воине, несущем смерть и разрушение, участнике войны. Это воитель, который сражается во имя построения утопической вселенной мира и гармонии, управляемой законами времени и истории, открытыми поэтом. На этом основывается его новый взгляд на мир, когда «окинув вас» подразумевает взгляд на всё человечество, чье искупление мыслится поэтом в системе христианской символики. Смерть и воскрешение поэта-воителя в «Войне в мышеловке» предвещают «шутовскую» смерть пророка Зангези, которой завершается последняя сверхповесть Хлебникова. Этот сквозной и существеннейший мотив пронизывает творчество великого будетлянина, придавая целостность и взаимосвязанность элементам его видения мира.

³⁵ *Якобсон Р.* Из мелких вещей Велимира Хлебникова: «Ветер-пение...». С. 320.

³⁶ Впервые опубликована в сборнике «Трое» (СПб., 1913).

³⁷ Впервые опубликовано в сборнике «Четыре птицы» (М., 1916).

³⁸ Письмо было написано в конце 1916 г.

³⁹ *Якобсон Р.* Из мелких вещей Велимира Хлебникова: «Ветер-пение...». С. 321.

Если сравнить «Войну в мышеловке» с «Войной и Миром» Маяковского или даже со сверхповестью «Зангези», можно заметить, что в поэме Хлебникова нет единого лирического героя, который придавал бы произведению характер цельности и помогал бы читателю следить за ходом фрагментарного повествования. Поэт использует прием «соположения» как «принцип осмысления картины мира»,⁴⁰ причем не только языкового, как в словотворческих опытах или в «активной паронимии» и при разработке «азбуки ума», но и при монтаже «парцеллированных» стихотворений в совершенно иной метатекст, в новое «целое, не сводимое к частям, но создаваемое именно “по частям”».⁴¹ По мнению Романа Яковсона, свойственный поэту «разносоставный монтаж мелких вещей и нередкая разновременность их происхождения не только не нарушают зодческого единства хлебниковских сверхповестей, но, напротив, развертывают и развивают их совокупную художественную проблематику».⁴²

В «Войне в мышеловке» Хлебников, как обычно, выражается герметически и афористически, в его стихах концентрируется огромное количество разного рода сведений, аллюзий, скрытых цитат и, наконец, намеков на его личную биографию. Из-за фрагментарности структуры семантика сверхпоэмы не сразу поддается истолкованию — для чтения этого текста читателю требуется совершенно новый подход, похожий на тот, который, вероятно, должна была выработать публика на первых кубистских выставках, когда впервые из фрагментарных изображений пыталась реконструировать цельную форму.

Как известно, Хлебников в своем словесном искусстве применял некоторые приемы техники живописи. Напомним только о знаменитом стихотворении «Бобэоби пелись губы», в котором рисуется “словесный портрет” человеческого лица. Конечно, сжатые размеры стихотворения облегчают его целостное восприятие и понимание, что намного труднее при чтении и сведении воедино многих мотивов длинной и сложной сверхпоэмы. Несмотря на все сложности, текст «Войны в мышеловке» представляет огромный интерес для филолога, который стремится раскрыть глубинные «геологические» слои смысла произведений Хлебникова. Здесь сконцентрированно излагается подход к поэзии художника слова, всё творческое наследие которого — это открытый, бесконечный и беспрепятственно преобразуемый текст.

⁴⁰ Григорьев В. П. Велимир Хлебников. Опыт описания идиостиля // Григорьев В. П. Будетлянин. М., 2000, С. 416—417.

⁴¹ Там же.

⁴² Яковсон Р. Из мелких вещей Велимира Хлебникова: «Ветер-пение...». С. 317.